

3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики: Пер. с нем. – М., Прогресс, 1988.
4. Генеральное соглашение по торговле услугами. Часть II. Статья. URL: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/pril1B.doc
5. Гретченко А.И., Гретченко А.А. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М., 2009.
6. Иркутская В.И. ВТО и модернизация системы высшего образования в России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 6(108). с. 45–46.
7. Касевич В.Б., Светлов Р.В., Петров А.В., Цыб А.А. Болонский процесс в вопросах и ответах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
8. Кислицын К.Н. Болонский процесс как проект для Европы и для России // Высшее образование в XXI веке. 2010. № 11.
9. Ларионова М.В., Шумилов В.М. Риски и возможности присоединения к ГАТС для российского образования. / Вестник международных организаций. М., 2010. № 7 (15). с. 4-13.
10. Миронов В.В. О русской философии в мире, низкой цитируемости гениев и трудностях перевода. // URL: <http://mironov.professorjournal.ru/59> (электронный ресурс).
11. Садовничий В.А. Университет XXI века. Размышления об университетском образовании. М., МГУ, 2006.
12. Сокуренок Е.Г. Болонский процесс (от истории к современности). // Образование: история, теория и методология: Колл. Монография. М.: ВГНА, 2012. ч. 2. с. 5-34.
13. Старкова С.А. Некоторые проблемы реформирования российского высшего образования // Российское предпринимательство. М., 2008. № 2 (62). с. 43-49.
14. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. Пер. с англ. Общ. ред. и вст. слово М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 5976, 31 дек.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Александр Васильевич Панкин (опыт биографической реконструкции)

к.и.н. доц. Грико Т.И.
Университет машиностроения
Kogri12@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка реконструировать биографию профессора МАМИ (Университета машиностроения) Александра Васильевича Панкина, рассмотрев его деятельность как в годы Первой мировой войны, так и в советский период.

Ключевые слова: Панкин, Первая мировая война, организация Ванкова, промышленность, Московский автомеханический институт (МАМИ).

В 2013 г. исполняется 50 лет со дня смерти профессора МАМИ (ныне – Университет машиностроения), заслуженного деятеля науки и техники РСФСР Александра Васильевича Панкина, человека сложной и интересной судьбы. В настоящей статье на основании широкого круга исторических источников предпринимается опыт биографической реконструкции этой выдающейся личности. Следует сразу оговориться, что делопроизводственных материалов, касающихся Панкина (личного дела и других документов), в архиве Университета машиностроения обнаружить не удалось [1]. Для реконструкции биографии использовались научные труды Панкина, материалы личного происхождения (его выступление 1952 г. перед студентами Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), формулярные списки Михайловской артиллерийской академии, материалы сайтов Университета машиностроения

и МГТУ Станкин.

Александр Васильевич Панкин родился в 1876 г. в Вологодской губернии. В 1902 г. он окончил по первому разряду одно из старейших военных учебных заведений России – Михайловскую артиллерийскую академию (основана в 1820 г.). Одним из учителей Александра Васильевича был профессор Дмитрий Константинович Чернов (1839–1921 гг.), основатель металловедения и термической обработки металлов, читавший в академии курс сталелитейного дела. В 1902 г. капитан Панкин был оставлен в академии в качестве штатного преподавателя [2, с. 10]. Впоследствии он защитил диссертацию на тему «Работа ветряных двигателей и эксплуатация энергии ветра со статьей о началах аэродинамики» [3] и в 1904 г. стал штатным преподавателем академии.

Начало века для молодого офицера было плодотворным и интересным временем: в 1912 г. он уже состоял экстраординарным профессором Михайловской артиллерийской академии, заведовал механической лабораторией [4, с. 7]. Панкин публиковал статьи, занимался проблемой тейлоризма – новейшего тогда способа организации производства, участвовал в переводах и публикациях книг соответствующего содержания. В 1914 г. Панкин издал работу «Научная организация труда»; был автором ряда работ чисто технической направленности [5]. В 1909 г. под редакцией Панкина вышел труд Ф. Тейлора «Искусство резать металлы», определивший сферу интересов ученого на долгие годы.

В 1913–1914 гг. Александр Васильевич находился в заграничной командировке, где его застало сообщение о начале войны. Возвращаться в Россию пришлось необычным путем: из Генуи через Ливерпуль в Архангельск [6, л. 8]. Сразу по прибытии в Петроград он был направлен в распоряжение Начальника артиллерии Петроградского военного округа [7, с. 62]. Начался важнейший этап в жизни Александра Васильевича Панкина, приближался его «звездный час».

Война стала серьезным испытанием для России, ее народа, армии, политического и военного руководства, для отечественной промышленности в целом. Тяжелейшее положение складывалось с обеспечением фронта артиллерийскими снарядами. Главное артиллерийское управление считало, что накопленных запасов, а также мощностей казенных заводов хватит для обеспечения боевых действий. Расчет оказался неверным и весной–летом 1915 г. кризис боевого снабжения приобрел небывалую остроту. Боеприпасов катастрофически не хватало; бывали дни, когда в некоторых армиях разрешалось выпускать в день не более десятка снарядов на орудие, немецкая же артиллерия молотила по русским позициям безостановочно, уничтожая солдат и офицеров сотнями и тысячами. А.И. Деникин (тогда командир дивизии) так описывает события весны 1915 г. под Перемышлем: «Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...» [8].

К весне 1915 г. по инициативе военного ведомства была создана Организация уполномоченного Главного артиллерийского управления по заготовлению снарядов по французскому образцу генерал-майора С.Н. Ванкова (далее – Организация Ванкова – Т.Г.) [9]. Семен Николаевич Ванков (тоже выпускник Михайловской артиллерийской академии) увидел возможность организовать в России производство снарядов по французскому образцу. Если русская граната (так называли тогда артиллерийский снаряд) требовала вытачивания стального стакана, на который наносилась резьба для навинчивания специальной головки, то французы применяли иную технологию: стакан штамповался из цельного куска более мягкого металла, обжимался в конус в нагретом состоянии, а прочность гильзы достигалась закалкой в нагревательной печи. Технология не только упрощала процесс производства, но и позволяла использовать металл отечественных заводов, отечественные маломощные токарные станки.

Для создания производства по новой технологии следовало провести огромную организационную работу: мобилизовать частную промышленность, снабдить заводы сырьем, топ-

ливом, оборудованием, разработать соответствующие технологии, обучить кадры. Производство снарядов неизбежно требовало жесткой централизации, т.к. необходимо было не только стабильно оплачивать заказы, но и контролировать качество, производить приемку снарядов. Все эти проблемы должна была решать Организация Ванкова. Пригодные для производства заводы на территории России были сгруппированы в семь районов. Важнейшим среди них стал Южный район (поставлял 91% стали), куда вошли Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Таврическая губернии, Область Войска Донского, а в дальнейшем добавились Екатеринодар, Баку, Владикавказ. В конце июля 1915 г. во главе Южного района был поставлен полковник Александр Васильевич Панкин, которого генерал Ванков ценил как талантливое технолога и выдающегося организатора [9, с. 97].

Работа предстояла колоссальная, трудности – огромные. Панкин понимал значение Южного района, говоря о нем следующее: «Там находятся корни всего дела: уголь, металл, штамповка» [6, л. 20]. С двумя мобилизованными инженерами-прапорщиками он выехал в Екатеринослав. По прибытии к нему сразу стали являться директора заводов с предложением своих услуг, при этом никто не вел разговор о цене [6, л. 21]. Промышленники понимали, что спрос на военную продукцию обеспечен, прибыль неизбежна. Позднее, в 1952 г., Александр Васильевич отмечал, что в желании заводчиков работать на войну «смешивались все человеческие чувства: и любовь к родине, и забота о своем заводе, своих выгодах» [6, л. 15]. Для оперативности работы свой штаб (пять инженеров, три французских техника и административный персонал) Панкин перенес в железнодорожный вагон, в котором передвигался по заводам.

Технологический процесс был разделен на двадцать три элементарные операции, что требовало простейшего инструмента и делало возможным использование низкоквалифицированных рабочих. Примером использования такой рабочей силы стали «белые платочки» – простые женщины, впервые в России начавшие работать на станках [6, л. 28].

Главной задачей для Панкина было организовать массовую штамповку гильз при малом количестве прессов и недостаточном количестве и маломощности токарных станков. Максимальное количество задействованных станков на Юге составляло 800–850 единиц, часть из которых была принудительно конфискована у других предприятий, а часть (двести штук) – создана в ходе тяжелой работы. Для того времени создание токарного станка на российском заводе было делом невероятной сложности. Процесс сверления усовершенствовали – вместо девяти употребляли два сверла.

Необходимой стадией технологического процесса была закалка гильз, что требовало весьма узких пределов температур. В налаживании этого совершенно нового технологического процесса А.В. Панкин принимал непосредственное участие [10, с. 69]. В его воспоминаниях содержится описание интересного случая, характеризующего тогдашний технологический уровень производства. На одном из заводов брак был выше, чем средний по Южному району. Причина заключалась... в погоде! Поскольку температура в печи определялась на глаз по цвету пламени, то в пасмурный день был недокал (пламя визуально было ярче), а в ясный – перекал. Лишь выписанные термометры исправили положение, и брак снизился до общих средних показателей [6, л. 40].

Александр Васильевич непосредственно участвовал в изготовлении рабочих инструментов для станков (сверла, резцы). Именно в Южном районе был создан альбом приспособлений на основе опыта лучших заводов, являвшийся своеобразной «технологической картой» для других предприятий. Предпринятые усилия позволили увеличить производство снарядов. Деятельность А.В. Панкина в этот период не просто давала возможность России воевать, но сохраняла жизни тысячам солдат и офицеров.

Февральская революция 1917 г. прекратила работу в Южном районе. В последующие месяцы Александра Васильевича два раза арестовывали, но рабочие освобождали его из тюрьмы. В конце 1917 г. он возвратился в Петроград в стены Михайловской академии, где был оставлен в числе штатных преподавателей вместе со своими двенадцатью коллегами [7,

с. 64].

Положение бывшего офицера в советской России было непростым, свое прошлое нужно было забыть. В 1952 г., выступая перед студентами исторического факультета МГУ, Панкин сказал: «...у меня не было возможности вспоминать былое, и оно было зачеркнуто довольно твердо...» [6, л. 2]. Наступал новый период его жизни, в котором бывший царский офицер, бывший управляющий Югометы нашел свое место.

В 1920 г. Панкин работал в Технологическом институте в Петрограде, затем переехал в Москву, где в 1921–1923 (?) гг. преподавал в Московском механико-электротехническом институте им. М.В. Ломоносова (ныне – Университет машиностроения). Зафиксирована работа Александра Васильевича 1926 г., опубликованная в трудах института – «Циклограмма для решения задач о наивыгоднейшем резании» [11]. Годы индустриализации в СССР выдвинули технологические процессы производства на первый план, нужда в квалифицированных инженерах была огромная. Александр Васильевич много и плодотворно работал: в 1930–1934 гг. в Станкине во главе созданной им кафедры «Резание металлов», в 1925–1935 гг. (даты точно не установлены) – в Бюро нормативов Государственного института проектирования машиностроительных заводов (Гипромаш), в 1938–1944 гг. – в Горьковском индустриальном институте. Сохранилась небольшая брошюра этого периода – «Стахановские резцы и сверла», изданная в 1939 г. на плохой бумаге с обязательными реверансами в адрес «вождя народов», посвященная анализу предложений рабочих по улучшению резцов. Эта тема продолжена в собственном исследовании А.В. Панкина – «Трансформация геометрии резцов» [12].

В МАМИ А.В. Панкин проработал с 1939 г. до самой своей смерти в 1963 г. В 1943 г. Александру Васильевичу присуждена степень доктора наук. К сожалению, ни текст диссертации, ни ее автореферат в фондах РГБ не сохранились, поэтому тематика диссертационной работы точно не установлена. Имеется две возможные темы: «Температурные исследования при резании металлов» и «Решение задач о наивыгоднейшем резании металлов».

В 1944 г. Александром Васильевичем была организована кафедра «Резание металлов», которой он руководил до 1946 г. Панкин работал также проректором по науке (в терминологии тех лет – заместителем директора института по научной работе). Некоторое время в институте преподавала и его дочь Елена.

В 1961 г. Александром Васильевичем был опубликован учебник «Обработка металлов резанием», вошедший в библиографию соответствующей статьи в третьем издании Большой Советской энциклопедии. Имя А.В. Панкина упомянуто там среди других выдающихся отечественных ученых [13, с. 215]. В 1965 г. вышли издания этого учебника на французском и английском языках.

Труд «Обработка металлов резанием», конечно, сугубо техническая книга, но и она может многое рассказать о личности Александра Васильевича. Открывает учебник глава, посвященная истории развития науки о резании металлов – своеобразное зашифрованное послание автора. Панкин не просто перечисляет ученых, работавших по данной проблематике, но пишет о тех людях, чья судьба сложилась гораздо более драматично, чем его собственная. Например, им упомянут Андрей Николаевич Челюстин (1891–1926 гг.), талантливый ученый и изобретатель, выпускник Михайловской артиллерийской академии, перешедший после революции на сторону советской власти, но, тем не менее, подвергавшийся арестам в 1920-е гг. и трагически умерший в возрасте тридцати пяти лет.

Александр Васильевич Панкин прожил долгую драматичную жизнь; чрезвычайно жаль, что о ней сохранились лишь отрывочные сведения. Потеряны три тома его собственноручных записок [6, л. 2]. В Университете машиностроения Панкин не забыт, старые сотрудники вспоминают исключительную интеллигентность профессора и могут пересказать его шутки, в том числе, и над самим собой.

Заканчивая описание результатов опыта биографической реконструкции, хотелось бы привести цитату из работы Александра Васильевича Панкина, обратив ее к собственному труду: «Ввиду того, что самые лучшие намерения автора могут не совпадать с фактическим

выполнением замысла, автор просит ... сообщать ... свои замечания по адресу: Москва, Большая Семеновская улица, 38, МАМИ».

Литература

1. Вероятно, информация из личного дела А.В. Панкина была использована при написании биографической справки, опубликованной в кн.: Московский государственный технический университет «МАМИ» / Род ред. А.В. Николаенко, В.А. Серебрякова. М., 2010. С. 789.
2. Михайловская артиллерийская академия. Памятная книжка на 1903 г. Спб., 1904.
3. Панкин А.В. Работа ветряных двигателей и эксплуатация энергии ветра со статьей о началах аэродинамики. Спб., 1904.
4. Михайловская артиллерийская академия. Памятная книжка на 1912 г. Спб., 1913.
5. Устройство и работа железодельного завода. Пропедевтический курс прикладной механики, механической технологии и сталелитейного дела. СПб.; МАУ, 1906; Шариковые и роликовые подшипники. Дополнение к курсу старшего класса «Детали машин». СПб.; МАУ, 1907; Исследования групповой электрической передачи // Артиллерийский журнал, 1907, № 12.
6. НИОР РГБ, ф. 218, оп. 1, д. 304.
7. История военной академии РВСН имени Петра Великого в 4 тт. М., 2000. т. 1.
8. Цит. по: Головин Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2000. с. 30.
9. Черняк А.Я. С.Н. Ванков. 1858–1937. М., 1984.
10. История организации Уполномоченного Главным артиллерийским управлением по заготовлению снарядов по французскому образцу генерал-майора С.Н. Ванкова. 1915–1918. М, 2000.
11. Труды Московского механического института им. М.В. Ломоносова. М., 1926, вып. 1.
12. Труды Горьковского индустриального института. Горький, 1940. Т. 3, вып. 1.
13. БСЭ, 3-изд. М., 1974. Т. 18.

Семейная самостоятельность крестьянства нечерноземной деревни в контексте экономической практики и законодательной политики второй половины XIX в.

к.и.н. доц. Зозуля О.А.
Университет машиностроения
ozozulya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной проблеме крестьянских семейных разделов, происходивших в нечерноземной деревне во второй половине XIX в. Автор анализирует реальную экономическую действительность и противоречивое российское дореволюционное законодательство, которое сохраняло тенденцию административного регламентирования внутренней жизни и экономической свободы крестьянской семьи. Автор приходит к выводу, что наступающая индустриальная эпоха, а не правительственные распоряжения и инициативы дворян-чиновников определяла направления трансформации одного из основополагающих традиционных институтов российского крестьянского социума.

Ключевые слова: крестьянство, нечерноземная деревня, семейные разделы, мелкотоварное хозяйство, законодательство пореформенной эпохи

Социально-экономическое исследовательское пространство в парадигмальных рамках новой локальной истории, набирающей силу на рубеже XX–XXI вв., значительно расширило проблемное поле изучения крестьянского хозяйства. Исследование социально-экономических институциональных изменений в русской деревне анализировалось в направлении перехода от изучения региональных процессов к анализу локальных структур в контексте социокультурных изменений. На повестку дня были поставлены вопросы изучения